

О ДВУХ КОНСТРУКЦИЯХ ЭКСПЛИКАЦИИ ФАКТА СМЕРТИ (на примере семантической деривации глаголов перемещения)

Формирование данной метафорической модели как средства лексической экспликации факта смерти человека обусловлено древними верованиями, которые отражены в мифах и сказках народа, в пословицах и поговорках, в устойчивых выражениях [Пропп 1998: 366], например: *отправиться на тот свет, отойти от мира сего, отойти в вечность, отойти в лоно Авраама, отправиться к праотцам, сойти в могилу* и другие. По настоящее время “метафора “пути” используется при описании человеческого существования, а смерть представляется как “перемещение, “переход” из одного локуса в другой” [Яковлева 2000: 271; Балашова 1998]. Названные фразеологические единицы являются частью системы языковых средств, репрезентирующих модель перемещения в пространстве, активно используемую при параметризации динамики различных сфер человеческой жизни. Смысловое варьирование глаголов движения в составе данной метафорической модели обеспечивается лексическим наполнением необходимых составляющих рамки глагола: “субъект действия” и “локальная позиция”.

В конструкции, где функцию субъекта выполняет человек, метафора создается лексическим наполнением локальной позиции в структуре “субъект – глагол движения – локус”. Направление движения, то есть *куда* и *откуда* происходит перемещение, диктует модели актуальное лексическое значение. В 26% материала, собранного нами, метафорическая модель эксплицируется локальной позицией, представленной существительным *жизнь* в родительном падеже с предлогом *из*. Например: *В глазах коллег и кое-каких знакомых он ушел из жизни с репутацией просто*

несчастливого человека... (В.Пьецух); ...И в самом деле, сходятся два человека, вчерашние друзья, собеседники, застольники, и сегодня один из них должен погибнуть. Понимаете, **уйти из жизни** навсегда (А.Куприн); **Эля** была так же благополучна, как и я, у нее была та же проблема вечернего платья... Но сейчас **она** понимала, что **никогда не уйдет из жизни** по собственному желанию (В.Токарева); Старик очень любил женщин...**А из его жизни** самые дорогие **женщины уходили** одна за другой (Из газет); ...единственно, чем может Лужин утвердить свое “я” в момент насилия над собой, — это **уйти из жизни** (В.Ерофеев); Я хочу, чтобы ты знал о моих последних днях, с этой мыслью **мне легче уйти из жизни** (В.Гроссман). Но речевая ситуация позволяет применение конструкции, где локализатор редуцируется, а лексическое значение глагола движения определяется развернутым контекстом ситуации, например: — Силен камикадзе — такие глубокие раны в себе пропахал! <...> **Еще немного — и ушел бы, кровью истек** (Из газет); **Прекраснейшая женщина** была Эмма Григорьевна, ни в чем не обманула, кроме одного: **ушла** раньше его. А ведь на шестнадцать лет была моложе (Л. Улицкая); — Я надеюсь, что мои **близкие**, кого судьба еще оставила мне, **не уйдут** раньше. Но если такая несправедливость, не дай бог, случится, мои **близкие не уйдут** для меня ... совершенно бесследно (Ю.Трифонов); **Хоть мы ныне не только взрослые, но уже даже и не очень молодые, радостно сознавать, что наши учителя еще с нами. Горько, когда они уходят** (Т.Журчева). Подобная редукция локальной позиции встречается в 24% нашего материала.

Представленные выше примеры демонстрируют когнитивное представление о жизни как вместилище человека, откуда он уходит в случае смерти. Модель перемещения в данном случае репрезентирует древнее знание о двойственности мира, об определяющей человеческое существование оппозиции “свой — чужой”, которая разделяет людей на живых и мертвых. Человек уходит из жизни, но возникает вопрос: куда он идет? Система языковых средств, репрезентирующих метафорическую модель, включает пропозицию с иным лексическим наполнением локальной позиции. Необходимо отметить, что смерть не рассматривается носителем языка как вместилище, куда человек перемещается

из жизни. В данном случае эта модель лексически варьируется посредством синонимов, передающих абстрактное понятие “тот мир”, то есть пространства, куда перемещается человек после смерти, в частности: *иной мир, ледяной мир, тот свет*. Например: *Смерть ее была смертью праведницы. Однажды за преферансом она почувствовала себя дурно, просила подождать, сказала, что вернется через минутку, прилегла в спальне на кровать, вздохнула глубоко и **перешла в мир иной**, со спокойным лицом, с мирной старческой улыбкой на устах* (А.Куприн); *Одно дело, когда умер Юло Соостэр... Он оставил после себя детей, картины... А слесарь, ему, должно быть, очень страшно **идти в ледяной мир** из этого ледяного мира, где он был посторонним и чужим, только соседом* (Э.Лимонов), или *никуда*: *А Марья Игнатьевна говорит, что последняя надежда — креститься. Я не хочу, чтобы он уходил в **никуда**. Я хочу, чтобы его Бог принял* (Л.Улицкая). Последний пример демонстрирует, что “тот” мир, также как и “этот”, имеет свою систему координат. Уход в **никуда** оценивается носителем языка отрицательно, а уход к Богу — как “лучшее существование” после смерти, дающее надежду на возвращение к жизни, на воскрешение. При лексической экспликации факта смерти человека большое значение имеет понятие границы между жизнью и смертью как границы между двумя пространствами. Положение и движение человека по отношению к этому пределу обозначает, жив он или уже мертв, например: *Павлу как отцу выпало **обойтись без дочерей, четырежды Соня, жена его, рожала, и все были парни, но один сразу же, как только открыл глаза, не вынес белого света и отошел, осталось трое*** (В.Распутин), то есть отошел к Богу.

Когнитивная оппозиция “свой — чужой”, в нашем случае “живой -мертвый”, “жизнь — смерть”, реализуется в метонимическом переносе локальной позиции анализируемой модели, где живые → мы, а мертвые → они, ср.:

<...> медицинская сестра Терентьева <...> тихонько, чтобы не тревожить живых, завывала по деревенски: Родименький ты наш, ...под бугорком, лежит моя мать, а рядом с нею две сестренки, которые я даже не видел, не успел: они жили до меня, жили мало, —

*цветочек ты наш, куда ты ушел и мать ушла к ним, оставила
от нас?* (В.Гроссман) *меня одного на этом свете...*
(В.Астафьев)

Сформированное культурой представление о двойственности человека: о существовании души, которая после смерти должна подняться вверх, к Богу, и о теле, которое после смерти человека должно покоиться в земле, последовательно отражается в языке и предполагает определенное лексическое наполнение локальной позиции в конструкции, репрезентирующей анализируемую метафорическую модель. Душа стремится *в небеса*, то есть выше человека живого, а мертвое тело помещается много ниже уровня, на котором функционирует живой человек: *в могилу, в гроб, в землю*. Ср.:

<...> развеялся серый дымок над трубой Донского крематория, и пошла себе по небесной дорожке светливой походочкой сквозистая на про- свет ветхая Генеле... (Л.Улицкая) *Сколько людей, прожив долгую жизнь, так и сходят в могилу, не научившись достойно жить* (В.Тендряков); *Идут — их силе нет препоны, Все рушат, все свергают в прах, И тени бледные погибших чад Беллоны, В воздушных съединясь полках, В могилу мрачную нисходят непрестанно...* (А.Пушкин); *Приезд этот декабрьский (начальства) может “переломить” судьбу многим и быстро свести в могилу вчерашних счастливец* (В.Шаламов)

В художественных текстах эта особенность направления движения по вертикали обыгрывается, создаются многосмысловые метафоры, в которых реализуется возможность варьирования лексического наполнения локальной позиции, например: *Восходит к смерти Людовик В виду безмолвного потомства, Главой развенчанной приник К кровавой плахе вероломства* (А.Пушкин). Герой в прямом смысле поднимается на эшафот, что, в свою очередь, приближает его к абстрактному миру смерти, хотя, как демонстрируют предыдущие примеры, в обыденном сознании смерть — это движение тела вниз.

Иной способ репрезентации анализируемая метафорическая модель получает, когда коммуникативный ранг субъекта ситуа-

ции занимает не человек, а *жизнь* или *смерть*. Ранее мы рассматривали модель *уйти из жизни*, в которой в качестве субъекта выступал человек. По метонимической логике модель подвергается трансформации “локальная позиция – субъект”, что позволяет создать конструкцию, где человек – вместилище жизни, а жизнь – активный субъект. В представляемом нами языковом материале пограничное состояние между жизнью и смертью, оживание и умирание, характеризуется носителем языка как перемещение жизни из тела и в тело, например: *В те минуты, когда жизнь возвращалась в тело и его полуоткрытые мутные глаза вдруг начинали видеть, веки вздрагивать, возвращались мысли, о которых он не думал, что они – последние. Жизнь входила сама как полновластная хозяйка: он не звал ее, и все же она входила в его тело, в его мозг, входила, как стихи, как вдохновение. <...> Жизнь входила в него и выходила, и он умирал* (В.Шаламов). Формируются два типа репрезентации метафорической модели, эксплицирующей факт умирания, во-первых, когда человек уходит из жизни, и, во-вторых, когда жизнь уходит из человека. Эти модели синонимичны.

Метафорическая модель, где смерть представлена как субъект пропозиции, возникает благодаря древним представлениям о смерти как о божестве, которое забирает умершего в мир мертвых, поэтому смерть настигает человека, догоняет его, неумолимо приближается. Человек в данной ситуации пассивен, в метафорической модели репрезентируется как объект и как конечная локальная позиция движения субъекта, то есть смерти, например: *Двоих британцев смерть настигла в Египте, на курорте Шарм-эш-Шейх...* (Из газет); *Смерть делала свое будничное дело... Иногда она давала докурить, дожевать, иногда настигала человека по-приятельски, грубо, с глупым гоготом, хлопнув ладонью по спине* (В.Гроссман); *Смерть придвинулась слишком близко к Миролюбову* (В.Шаламов. Об опасной ситуации, в которую попал герой); *...больной, которому выписывался спецзаказ <...> уже был в таком состоянии, что есть ничего не мог и, лизнув с ложки то или другое блюдо, отворачивал голову в сторону в предсмертной изнеможении. <...> Поэтому выписка спецзаказа стала грозной приметой, символом приближающейся смерти* (В.Шаламов).

Локальная позиция в выражениях *смерть входила в дом, смерть ходила по городу, смерть пришла в лагерь* и подобных определяет реальное пространство, где умирают люди, например: *А смерть, подгоняемая ожиданием, действительно входила в дом. На ковровой кушетке делал последние редкие вздохи старый сапожник Аарон* (Л.Улицкая); *Живу, – ответил дед. – Живу, стараюсь. Смерть около топчется, а в сторожку ко мне зайти невдомек* (К.Паустовский).

Таким образом, метафорическая модель перемещения в пространстве, выражающая факт смерти человека, реализуется в двух типах конструкций, которые различаются двумя элементами: лексическим наполнением позиции субъекта (в которой может выступать *человек* или *жизнь, смерть*) и локальной позиции (*человек уходит из жизни* и синонимичная по значению конструкции *жизнь уходит из человека*). Лексическое наполнение этих позиций взаимно обусловлено (если в позиции субъекта выступает человек, то в локальной позиции – жизнь, и наоборот) и отражает представления народа о мире и человеке.

Литература

Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX веков). Саратов, 1998.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки // Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000.